

Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика

Донесение о Московии в 1731 году

Вряд ли найдется лучший пример космополитичного характера европейской культуры эпохи Просвещения, нежели жизнь Хакобо Франсиско Фитц Джеймс Стюарта, герцога де Лириа-и-Херика (Jacobo Francisco Fitz James Stewart, Duque de Liria y Xerica, 28.X.1696—2.VI.1738). Английский аристократ, прямой потомок королевы Марии Стюарт, родившийся в эмиграции уже после падения династии Стюартов, он получил образование во Франции. Однако, в отличие от своего отца, маршала и герцога де Бервика, поступил не на французскую, а на испанскую службу. Писавший свой дневник на французском языке, а дипломатические донесения — «на кастильском наречии», Лириа становится на три года первым постоянным испанским посланником при русском дворе, где поначалу отстаивает и интересы Священной Римской империи, союзной в ту пору Испании.

Причины, приведшие посланника короля Филиппа V в Россию, имевшую «мало общего в делах и интересах с делами и интересами» Испании, следует пояснить¹. При Екатерине I Россия начинает искать выход из петровской «блистательной изоляции» и находит его в союзе с Империей, чьей союзницей уже была Испания. 6 августа 1726 г. Россия присоединилась к Венскому альянсу этих двух держав, заключенному 30 апреля 1725 года. В задачи России входили действия вместе с Империей против Турции. Империя же и Испания старались привлечь Россию к действиям против Англии и Франции, объединившихся вместе с Пруссией в Ганноверский альянс. В инструкции для Лириа указывалось, что «царица [Екатерина I] могла бы втайне или под каким-либо предлогом снарядить в Архангельске или в каком-либо другом порту мощный флот и высадить армию на берегах Англии, чтобы вернуть престол королю Якову и тем самым восстановить равновесие в Европе»². При всей нереальности плана возведения Якова III Стюарта (1688—1766) на английский престол российскими усилиями, Лириа был готов бороться за его осуществление.

Его дипломатическая миссия совпала по времени с борьбой российских придворных группировок за власть. Еще на пути в Россию, 5 июня 1727 г. в Вене, Лириа получил известие о смерти Екатерины I; в октябре 1728 г., находясь в Дрездене, узнал об опале А. Д. Меншикова³. Потом в Петербурге и Москве Лириа стал свидетелем всемогущества и падения князей Долгоруких, смерти Петра II, воцарения Анны Иоанновны и неудачной затее верховников с попыткой ограничить ее власть. Параллельно этим событиям менялось и положение Лириа. Восшествие на престол Петра II — племянника австрийской императрицы — укрепляло русско-имперско-испанский

альянс. При Петре II Лириа переживает свой звездный час при русском дворе: его удостаивает личным посещением юный император, наградивший его в марте и августе 1728 г. высшими русскими орденами — Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского⁴.

Анна Иоанновна осталась верна союзу с Империей. Но ухудшение отношений между Испанией и Империей, окончившееся их разрывом в феврале 1730 г., свело усилия Лириа на нет⁵. Разочаровавшись в деле организации политического союза с Россией, Лириа высоко ставил экономическое сотрудничество с ней и подготовил проект прямого торгового договора, предусматривавшего создание испанских консульств в Петербурге и Архангельске. Он покинул Россию в ноябре 1730 г., разоренный долгами и вынужденный просить свое правительство об отзыве, поскольку русский представитель в Мадриде кн. И. А. Щербатов был отозван русской стороной еще рескриптом от 20 апреля 1730 года. После этого в отношениях двух держав наступил 30-летний перерыв.

Ревностный католик, Лириа привез в Россию своим капелланом монаха-доминиканца Б. де Рибера. Именно Рибера, вступив в полемику с Феофаном Прокоповичем, выдвинул модный впоследствии тезис, что под влиянием реформ Петра I Русская православная церковь непозволительно близко приблизилась к лютеранской. В России Рибера был посвящен в дело тайного перехода кн. Ирины Долгорукой в католичество и принял под покровительство привезенного с собою в Россию французского священника-янсениста Ж. Жубе де ла Кура. Реалистически мыслящий Лириа отдавал себе отчет в нереальности планов объединения двух церквей⁶. Однако католическая сторона миссии Лириа важна для нас тем, что она хорошо документирована, ибо Рибера был автором публицистических трудов, а де ла Кур оставил воспоминания о своей миссии в России⁷.

Лириа увез из России свой объемистый «Дневник». Как утверждал автор, дневник не предназначался для публикации. Рукопись хранилась в семье герцога. Согласно одному предположению, российский дипломат, аккредитованный в Испании (имя неизвестно) и знакомый с родственниками герцога, скопировал часть дневника, посвященную России. Потом этот текст разошелся по России в списках. Так с ним познакомился Н. М. Карамзин, написавший затем И. И. Дмитриеву: «Читаю записки герцога Лириа о Петре II, об имп. Анне Ивановне: как любопытно! Вижу перед собою и Долгоруких, и Голицыных, и Бирона, и Остермана. Это манускрипт, почти не известный. Недавно читал я также вопросы Лестоку и Бирону, жалея, что не буду писать об этом времени. Прелесть!»⁸.

В 1845 г. русский читатель впервые смог познакомиться с текстом «Дневника» Лириа благодаря тшанию Д. И. Языкова⁹. В примечании Языков сослался в качестве источника публикации на издание, вышедшее в 1788 г. в Париже на французском языке. Однако попытка сверить перевод с первоисточником, проведенная еще в прошлом веке, показала, что Языков просто привел библиографические данные мемуаров отца Лириа, герцога де Бервика¹⁰. Этой ссылке, несмотря на очевидную невозможность ее проверить, некоторые исследователи «Дневника» доверяют до сих пор. Подобная мистификация должна была притупить бдительность николаевской цензуры, сурово относившейся к публикациям записок иностранцев о Русском государстве, даже если последние касались давних времен. Из-за цензурных ограничений переводчику пришлось сделать несколько купюр. Несмотря на это, предприятие Языкова было из ряда вон выходящим: впервые на русском языке отдельным изданием был опубликован иностранный источник по политической истории послепетровской России. В 1873 г. купюры языковского издания были восстановлены Г. В. Есиповым¹¹.

Возвращаясь к языковскому изданию, можно предположить, что оно было основано на рукописной копии «Дневника», подобной карамзинскому. Одна из таких копий, хранившаяся в фамильной библиотеке кн. Ф. Ф. Юсупова в подмосковском Архангельском, была в 1910 г. использована для «проверки... перевода» при втором издании «Дневника», подготовленном П. И. Бартевым и снабженным обстоятельным комментарием.

В 1988 г. «Дневник» третий раз был переиздан в России. Первоисточником публикации, подготовленной Ю. А. Лимоновым, стало именно языковское издание. Но добавления Есипова и издание Бартева учтены им не были¹². К сожалению, «Дневник» до сих пор не стал предметом специального источниковедческого исследования.

Помимо составления «Дневника» Лириа по обязанности должен был описывать все, чему он был свидетелем при русском дворе, в донесениях к мадридскому двору. Эти донесения впервые появились в печати в 1869 г. в сборниках, выпускаемых Бартевым. Публикация была подготовлена священником русской миссии в Мадриде К. Л. Кустодиевым по рукописям, хранившимся в домашнем архиве потомка дипломата, герцога де Альба-и-де Лириа¹³. Донесения стали излюбленным источником для русских историков, отметивших их первичность по отношению к «Дневнику». Лириа описал в «Дневнике» «только сущность тех событий», свидетелем которых он был в Петербурге и Москве с 1727 по 1730 г., и опустил подробности, исключив также свои сообщения о европейских делах. Ввиду этого исследователь предложил опираться только на донесения Лириа, отбросив «Дневник»¹⁴. Меньше повезло в русской историографии полному изданию «Дневника» Лириа вместе с избранными донесениями на испанском языке, появившемуся в 1889 году¹⁵. Очевидно, сыграли роль филологические трудности, поскольку вообще-то книга была доступна¹⁶. Только недавно в сборнике документов по русско-испанским отношениям некоторые донесения Лириа появились в переводах, выполненных по этому изданию и сверенных с архивными подлинниками¹⁷.

Большинство путешественников и дипломатов, побывавших в России, ограничивались одним-двумя сочинениями на русскую тему. Трудно ожидать многого и от Лириа, уже подарившего потомкам «Дневник» и кипу дипломатических бумаг. Однако Лириа принадлежит еще одно сочинение о России — «Донесение о Московии в 1731 году». Оно было опубликовано в 1890 г. на испанском языке¹⁸. Это издание, отсутствующее в отечественных библиотеках, нам удалось увидеть в Национальной библиотеке Франции. В издании отсутствуют указания на шифр и местонахождение рукописи, по которой опубликовано «Донесение». Это закономерно ставило вопрос об источнике публикации. Затем в ходе работы в Архиве Министерства иностранных дел Франции нам довелось выявить рукопись «Донесения о Московии в 1731 году» на французском языке¹⁹. Она является беловым списком и богато иллюстрирована. Сверка показала, что текст в целом тождествен опубликованному. Возникает вопрос, какая версия «Донесения о Московии» первична — опубликованная (испанская) или неопубликованная (французская)?

В пользу первого предположения может служить то, что донесения Лириа, которые он посылал в Мадрид, и одна из версий «Дневника» написаны на испанском. Вторую версию можно аргументировать более серьезно. Во-первых, вторая версия «Дневника» (с которой делались русские переводы) написана на французском. Во-вторых, французский был ближе Лириа, родившемуся, выросшему и получившему образование во Франции. В-третьих, в пользу того говорит предназначение «Донесения о Московии» для узкого круга читателей, а не для испанской публики. Об этом пишет сам Лириа: «В мои намерения нисколько не входит публиковать это Донесение, и я составляю его только для образования своих детей и для своего собственного любопытства»²⁰. Вот свидетельства того, что сочинение Лириа могло быть написано на французском, а уже затем переведено на испанский. Поэтому мы сочли более правильным в исследовании и при переводе сочинения Лириа опираться на французский архивный текст.

«Донесение о Московии» распадается на две части. Первая содержит предисловие (л. 6—6 об.), главы «О царице и о российском императорском доме» (л. 7—9 об.), «О царе Петре II» (л. 9 об. — 13), «О царе Петре Первом и его двух женах» (л. 13—17), «О царевиче Алексее Петровиче, отце царя Петра Второго» (л. 17—20), «О князе Меншикове, фаворите царя Петра I» (л. 20—24 об.), «О придворных чинах и службах» (л. 24 об. — 27 об.), «О трех

русских орденах» (л. 28 об.— 31 об.), «Об управлении и присутствиях в России» (л. 31 об.— 34 об.). Во вторую часть вошли главы «О названии, протяженности и границах страны, ее климате и о том, что она производит» (л. 35—41), «Об обычаях и характере русских» (л. 41—52), «О правосудии, как оно совершается в России, и наказаниях, которым подвергают преступников» (л. 52—59 об.), «О религии в России» (л. 59 об.— 88), «О финансах и доходах царя» (л. 88—91), «О торговле в России» (л. 91—94 об.), «О русском флоте» (л. 95—98), «О сухопутных силах царя» (л. 98—104), «Описание всего, что произошло после восшествия на престол королевы Анны, правящей сейчас» (л. 104—112).

Свою цель Лириа видел в том, чтобы дать достоверное описание увиденного: «Хотя я читал почти все опубликованные донесения о российской монархии, я нашел в них за те три года, пока я был посланником короля, нашего государя, при этом дворе, такое количество ошибок и еще больше упущений, что это делает донесения дефектными и не приносящими никакой пользы для того, чтобы осведомить публику о державе, располагающей обширнейшими в Европе владениями» (л. 6). Тем самым полностью объясняется такая отмеченная Есиповым черта «Дневника» Лириа, как «отсутствие всяких заметок о впечатлении, произведенном на герцога Петербургом и Москвою», и то, что автор не говорит «ни слова о нравах и обычаях русского народа»²¹. Весь соответствующий материал, собранный Лириа, пошел на создание им «Донесения о Московии в 1731 году», где культурно-бытовая тема соперничает по объему с политической.

Эта книга богата иллюстрирована. Встречаем в ней рисунки звезды и ордена Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского и Св. Екатерины (л. 28), саней (л. 38), одежды крестьянина (л. 42—43) и крестьянки (л. 44—45), вновь саней (л. 51), пытки на дыбе (л. 54 об.), наказания батогами (л. 56), повешения (л. 57), подвешивания на крюке (л. 58), одеяний архиереев, священников, монахов и монахинь (л. 62—68). Здесь мы сталкиваемся с несколько необычной ситуацией: иллюстрации из рукописи довольно хорошо известны, в то время как текст оставался практически невостребованным. Открытки с некоторыми из этих иллюстраций были опубликованы Архивом Министерства иностранных дел, а репродукции с них находим в ряде изданий²².

Общий подход Лириа к русской действительности, его стереотипы восприятия сформированы тогдашней французской «россикой». Недоброжелательство французской литературы по отношению к России в период дворцовых переворотов в значительной мере диктовалось внешнеполитическим противостоянием двух держав. «Варварство» — вот слово, красной нитью проходящее через «Донесение о Московии». Здесь Лириа сопоставим с Локателли, чья книга 1736 г. до сих пор не удостоилась у нас перевода, по-видимому, из-за ее злобного тона²³. Зато ценностью «Донесения» является тот факт, что это — сравнительно ранний источник по отношению к описываемым в нем событиям. Проставленная в титуле дата — 1731 г. — подтверждается всем содержанием книги. Например, о царевне Прасковье Иоанновне упоминается в тексте, как об умершей (скончалась 8 октября 1731 г. по ст. ст.).

Для публикации здесь отобраны первые главы первой части «Донесения», посвященные Анне Иоанновне, Петру II, Петру I, царевичу Алексею Петровичу и А. Д. Меншикову. Эти исторические портреты, созданные Лириа, обладают разной источниковедческой ценностью. О своей не состоявшейся встрече с Екатериной I Лириа пишет: «Богу не угодно было, чтобы я имел удовольствие и удовлетворение познакомиться с этой великой государыней»; а когда Лириа приехал в Россию, Меншиков уже был сослан в Раненбург. Так что характеристики этой царицы и ее временщика даны Лириа из вторых рук, однако по свежим следам. Иным было положение автора, когда он взялся за характеристику Петра Великого и царевича Алексея. Но в его распоряжении имелась достаточно серьезная печатная литература, следы его работы с которой очевидны. В его распоряжении были и устные источники, значения которых тоже не следует недооцени-

вать. Так, он был представлен императрице Священной Римской империи Елизавете-Христине, сестре жены царевича Алексея.

Если же говорить о каких-то новых подробностях истории России XVIII в., которые дают нам эти главы, то их не так много. Назовем обещание царевича Алексея посыпать солью то место, где воздвигнут Санкт-Петербург, и тему отравлений, вообще характерную для Лириа. Согласно ему, отравлена была Екатерина I и такая же смерть ждала Петра II, если бы его пребывание во дворце Меншикова затянулось. Конечно, это можно отнести к сфере тех домыслов, которые нередко наполняют сочинения дипломатов; но ведь в других источниках эти сведения встречать не приходилось. Важнее иное. Лириа не просто информирует читателя о тайной политической истории России, а и рассуждает. Не избежим лестного для Лириа сравнения с его знаменитым современником, Л. де Рувруа герцогом Сен-Симоном, чьи многотомные «Мемуары» о людях и нравах французского двора охватывают время с 1694 по 1723 год. Герцог, кстати, знал Лириа и оставил о нем доброжелательный отзыв.

Ключевой в характеристиках Лириа является фигура Петра Великого. Читая краткий, свободный от деталей очерк о Петре, приходится удивляться тому, как реализовал автор «просвещенческую» оценку Петра Россия всем обязана Петру, а прежде всего тем, что ей удалось вырваться из варварства. В этом смысле текст Лириа напрямую соответствует «Похвальному слову Петру Великому» Б. Ле Бовье де Фонтенеля (1727 г.) и предшествует статьям в «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Л. д'Аламбера и «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера. Образ же царевича Алексея как необразованного и злонаправленного человека создается автором в противоположность образу Петра. Лириа не может, впрочем, полностью довериться «Манифесту», в котором утверждалось, что царевич умер от раскаяния, но готов поверить едва ли не в любую утешительную ложь.

Что касается Меншикова, то здесь акценты нужно, наоборот, пере- ставить. Образ Меншикова у автора настолько хрестоматичен, что читатель вправе задать вопрос, зачем ему предложен данный текст. Действительно, о безграмотном продавце пирожков, добравшемся до вершины власти и отведывавшем, тем не менее, петровской дубинки, мы знаем и без Лириа. Дело, однако, в том, что биография Меншикова в изображении Лириа является одним из самых ранних вариантов той легенды, запечатленный в которой человек мало схож с оригиналом. Меншиков у Лириа — хитрый слуга идеального монарха, как бы сошедший со страниц плутовского романа. Гораздо более содержательны портретные характеристики Петра II и Анны Иоанновны. Еще современный Петру II его биограф заметил, что «нельзя сказать, что конкретно принесло бы самостоятельное правление этого императора»²⁴. Лириа же рисует привлекательный образ молодого монарха, способности которого были велики, но остались нереализованными. Характеристика здесь дана скорее человеку, нежели правителю.

Сложнее образ Анны Иоанновны. Нельзя согласиться с былым выводом Д. А. Корсакова, что «до провозглашения Анны Иоанновны самодержавной государыней де Лириа на все смотрит глазами Долгоруких, а после этого события держит исключительно сторону императрицы»²⁵. Ведь с установлением ее самовластия и с усилением при дворе роли лютеран-остзейцев, а в Синоде — Феофана Прокоповича резко упали шансы того дела, которому Лириа сочувствовал, — церковной унии. Следовательно, необходимо найти симпатиям Лириа иную причину. Политическое сознание автора формировалось на опыте испанского и французского абсолютизма. И восстановление Анной самовластия взамен запланированного верхушками не то польского, не то английского образца правления явилось для него положительным моментом. В «Донесении о Московии», которое имеет более поздний характер и по отношению к «Дневнику», и по отношению к дипломатическим донесениям, Анна предстает продолжательницей имперской политики Петра Великого

и своего рода живой параллелью к величественному образу, созданному в бронзе Б. К. Растрелли («Анна Иоанновна с арапчонком», 1733—1741 гг.).

Отдельно скажем о проблеме корректности перевода. Разделяя современные требования к изданиям исторических источников²⁶, мы старались быть особенно точными в социально-политической лексике. В принципе перевод титулов и чинов из «Донесения» не является серьезной проблемой, поскольку все они известны из русских источников. Но нежелательно подгонять французские термины под русские прототипы, ибо такая операция не всегда безвредна для текста перевода. Правда, Лириа известны царь (le Czar) царица (la Czarinne) и царевич (le Czarovitz). Часто употребляются им термины — монарх (le Monarque) и монархия (la Monarchie), что точно характеризует мировоззрение автора. Эти слова успешно вошли в русский литературный язык при Петре I и были здесь сохранены. Лириа, вопреки французскому языку, пишет даже о фельдмаршале (Velt-marechal, Welt-Marechal), когда обозначает русского генерал-фельдмаршала (вместо le marechal).

Труднее обстоит дело с французскими le Prince и la Princesse (последняя обозначает равно принцессу, великую княжну, княгиню и княжну). А le Prince может обозначать и царствующую особу (например, Петра II) и светлейшего князя (например, Меншикова). В этих случаях он переводится нами соответственно — государь, князь. То же самое с la princesse, которой может быть и Анна Иоанновна (государыня), и сестра Петра II Наталья Алексеевна (принцесса, хотя титуловали ее великой княжной, что по-французски должно выглядеть как la grande duchesse). Сохранены французские термины для обозначения участников борьбы за власть — quelques grands (несколько знатных вельмож), les grands (знать), les principaux seigneurs (главные вельможи).

Лириа, по-видимому, не знал русского; для общения с русскими знакомыми ему хватало французского. Поэтому за его словами редко стоит какое-то определенное русское понятие, которое можно было бы восстановить. И мы избегали навязывания тексту лексики, характерной для русского языка XVIII века. Так, предпочитали немилость (la disgrâce) опале, и т. п. Вообще же перевод лишь условно передает тот богатый, пластичный и многозначный французский язык, на котором написано «Донесение», и мы можем не соглашаться со скромной самооценкой автора: «Если учесть, что я являюсь иностранцем, к тому же всю жизнь свою посвятившим военному делу, то не окажется удивительным, что я пишу без красноречия историка и оратора, но, надеюсь, что из уважения к правдивости, с которой я пишу, будет оказано снисхождение грубости моих оборотов, а может быть, и моих размышлений» (л. 6 об.).

Перевод осуществлен и примечания составлены нами.

А. С. Лавров

Примечания

1. Подробнее о миссии де Лириа в России: SCHOP SOLER A. M. Die spanisch-russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert. Wiesbaden. 1970.
2. Инструкция Филиппа V полномочному посланнику Испании в России Хакобо Ф. Д. Стюарту, герцогу де Лириа-и-Херика, 11/22.I.1727. В кн.: Россия и Испания. Док-ты и мат-лы, 1667—1917. Т. 1, М. 1991, с. 118.
3. Записки Дюка Лирийского о царствовании Петра Второго. — Русский архив, 1909, кн. 3, с. 339; Письма о России в Испанию дюка де-Лириа, бывшего первым испанским посланником при нашем дворе. В кн.: Осемнадцатый век. Кн. 2. М. 1869, с. 21.
4. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Великомученицы Екатерины, Св. благоверного великого князя Александра Невского и Св. Анны. М. 1814, с. 82.
5. ПОЛИЕВКОВ М. Герцог де Лириа и его проект учреждения испанского консульства в России. В кн.: С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб. 1911.

Лавров Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель исторического факультета Санкт-Петербургского университета.

6. Письмо Х. де Лириа послу Испании в Австрии Хосе де Вьяне-и-Эгилусу, 29.IV (5.V). 1729. В кн.: Россия и Испания. Т. 1.
7. RIBERA V. Responsum anti-apologeticum ecclesiae catholicae contra calumniosas blasphemias... Viennae. 1731; ejusd. Echo fidei. Vol. 1—2. Viennae. 1733; JUBÉ J. La Religion, les moeurs et les usages des Moscovites. Oxford. 1992.
8. Записки Дюка Лирийского о царствовании Петра Второго, с. 408; СТОЕВ В. Бироновица и Кабинет министров. Ч. I. М. 1909, с. 35; В. А. Сомов, исследовавший рукописную традицию «Дневника», указывает на его следующие списки: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), оп. 1, ч. 1, д. 73, т. 1; там же, ф. 728, оп. 1, № 73; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ин. 2005; Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, ф. 36, оп. 1, д. 738, 739; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Фр. Q.IV.212 (см. СОМОВ В. А. Французская «Россия» эпохи Просвещения и русский читатель. В кн.: Французская книга в России в XVIII в. Л. 1986, с. 194; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб. 1866, с. 285).
9. Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при российском дворе в звании посла короля испанского. СПб. 1845.
10. Mémoires du duc de Liria et de Berwick, écrits par lui-même. T. 1—2. Lnd. 1737—1738; Amsterdam. 1741; P. 1778. Очевидно, именно смешением Лириа с его отцом объясняется и другая ошибка, характерная для всех русских изданий «Дневника»: в качестве даты его смерти указывается 1733 г. (примерная дата смерти Бервика, умершего в 1734 г.), хотя на самом деле Лириа скончался в 1738 г., что было известно еще Бантыш-Каменскому (БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д. Н. Ук. соч., с. 82).
11. Сказания иностранцев о России XVIII века. I. — Русская старина, т. VIII, 1873, с. 28—40.
12. Герцог Лирийский. Записки о пребывании при императорском российском дворе в качестве посла короля испанского. В кн.: Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л. 1989, с. 189—260.
13. Письма о России в Испанию дюка де Лириа, бывшего первым Испанским посланником в России, при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны В кн.: Осемнадцатый век. Кн. 2, с. 1—214; кн. 3. 1869, с. 27—132.
14. КОРСАКОВ Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Вып. I. Казань. 1880, с. XXXIII—XXXV.
15. Diario del viaje a Moscovia del duque de Liria y Xerica. Madrid. 1889 (Coleccion de documentos ineditos para la historia de España. T. 93).
16. Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде ГПБ. Систематический указатель. Вып. III. Л. 1987, с. 38.
17. Россия и Испания. Док-ты и м-лы, 1667—1917. Т. 1. М. 1991, № 49—52, с. 123—138.
18. Conquista de Napoles y Sicilia y Relacion de Moscovia por el Duque de Berwick (Coleccion de Escritores Castellanos, T. 35). Madrid. 1890.
19. Archives de Ministère des affaires étrangères. Russie. Mémoires et documents, 8. В дальнейшем даем ссылки на листы этой рукописи.
20. Правда, это можно принять с оговорками. Ведь появление рукописи «Донесения о Московии» во французских дипломатических архивах свидетельствует о том, что она должна была служить интересам внешнеполитических служб.
21. Сказания иностранцев о России XVIII века. I, с. 40.
22. PASCAL P. La révolte de Pougatchev. P. 1971; ЛОТМАН Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб. 1994.
23. LOCATELLI. Lettres Moscovites. P. 1736; LIECHTENHAN F. D. La progression de l'interdit: les récits de voyage en Russie et leur critique à l'époque des tsars. — Schweizerische Zeitschrift für Geschichte, 1993, vol. 43.
24. DONNERT E. Peter II. In: Die russischen Zaren, 1547—1917. München. 1995, S. 188.
25. КОРСАКОВ Д. А. Ук. соч., с. XXV.
26. СЕВАСТЬЯНОВА А. А. Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII века. (Разновременные слои источника и их хронология). В кн.: Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М. 1974; БЕСПЯТЫХ Ю. Н. Английский язык Джерома Горсея и русские реалии. — История СССР, 1991, № 2.

Гл. 1. О царице и о российском императорском доме.

Правящая ныне царица Анна Иоанновна родилась 8 марта 1693 г.¹ и была второй дочерью царя Ивана² (старшего брата великого Петра I) и Прасковьи Салтыковой, русской дамы³. В 1710 г. она вышла замуж за Вильгельма, герцога Курляндского⁴, который умер в январе следующего года, оставив ей почетный вдовий удел в Курляндии, где она решила провести свою жизнь, хотя и бывала время от времени в Петербурге и Москве, чтобы увидеться с царем и царицей и принять участие в венчании царицы Екатерины с царем Петром I.

Никогда Анна не представляла себе, что ей придется однажды стать самодержавной повелительницей всей России. Но Бог возвел ее на трон в то время, когда она меньше всего думала об этом, на благо русских, которые никогда не смели бы надеяться на блаженство, подобное тому, которым они довольствуются под властью несравненной правительницы.

Царица Анна очень высока ростом и темноволоса, ее глаза красивы, руки восхитительны, а осанка величественна. Она очень полна, но в то же время подвижна. Вовсе нельзя сказать, чтобы она была красива, но [л. 7 об.] она приятна во всем, очень щедра ко всем и милосердна к бедным, щедро награждает тех, кто этого заслуживает, и сурово наказывает тех, кто совершил какое-либо преступление. Она очень страшится пороков, в особенности содомии, ее размышления и идеи очень возвышенны, и она ничем так не занята, как тем, чтобы следовать тем же правилам, что и ее дядя Петр I. Одним словом, это совершенная государыня. Но при том она женщина, и несколько мстительная.

Как я уже говорил, она жила в уединении в Курляндии, когда 30 января 1730 г. ее племянник Петр II умер от оспы⁵. Знать собралась сразу же, чтобы бросить взгляд на то, кто будет управлять Россией. Претендентом был юный герцог Гольштейнский, сын одной из дочерей Петра I, но те вовсе не захотели его, и не столько потому, что ему было лишь два года, а и потому, что он был иностранцем. Следующей, согласно праву крови, была принцесса Елизавета⁶, дочь царя [Петра] I, но дурное поведение этой принцессы и влияние семьи Долгоруких лишили ее короны. За ними следовала герцогиня Мекленбургская⁷, старшая дочь царя Ивана; но, учитывая то, что она была замужем за иностранцем, с общего согласия стали подумывать о ее младшей сестре — вдовой герцогине Курляндской. Этот выбор тотчас был объявлен, что было встречено общими [л. 8] аплодисментами; назначили депутацию, чтобы ехать в Митаву и объявить новой царице о ее возведении на престол. Депутатами были князь Василий Долгорукий от Верховного тайного совета, князь Михаил Голицын от Сената и генерал Леонтьев от всех выборных вместе⁸.

Было несколько знатных вельмож, которые давно уже полагали, что нужно ввести правление на английский или польский манер, чтобы освободиться от рабства, в котором всегда был русский народ. Они думали, что не может представиться лучшего случая, чтобы сбросить ярмо. Они полагали, что Анна, в обмен на свое возведение на престол, примет некоторое условие, которое будет ей навязано. Для этого князю Долгорукому было поручено принудить царицу подписать восемь кондиций, полностью лишивших ее самодержавной власти, которые она и подписала в Митаве, все время оставаясь склонной к тому, чтобы никогда не выполнять подписанного.

Пока царица направлялась в Москву, дворянство ежедневно собиралось, чтобы сформировать свой новый план правления, пока не были готовы три различных проекта. Наконец, прибыла правительница, и пока дворянство еще не достигло согласия внутри себя, Ее Величество сумела расположить к себе своими добрыми манерами его предводителей. Они потребовали у нее, чтобы она взяла себе [л. 8 об.] абсолютную власть, и упростили ее порвать на куски восемь кондиций, подписанных в Митаве, что она и сделала на троне с удовлетворением, которое вполне можно себе

представить. Тотчас же попали в опалу те, кто были главными авторами нового плана и почти исключительно принадлежали к роду Долгоруких, и они были сосланы в различные отдаленные местности, лишены своих имений и чинов.

После этого царица правит самодержавно, а ее главные цели — иметь сильную армию и хороший флот, добиться процветания торговли и сделать свой двор одним из самых великолепных и управляемым лучше всех в Европе⁹.

Российская императорская фамилия состоит сейчас из царицы и четырех принцесс. Герцогиня Мекленбургская, старшая сестра [Е] [Царского] [В] [еличества], вот уже много лет живет в Московии, отдельно от своего мужа. Сестра относится к ней с большим уважением и предоставляет ей все то, в чем она нуждается. Это женщина толковая, но совершенно безрассудная. Ей 40 лет, она очень толста и противна, имеет склонность к вину и к любви и никому не хранит верности¹⁰.

Юная принцесса Мекленбургская, дочь герцогини¹¹, 13-ти лет от роду, родилась в 1718 г. и, кажется, наделена восхитительными качествами. Царица [л. 9] любит ее, словно свою собственную дочь, и никто не сомневается в том, что ей предназначено наследовать престол.

Принцесса Прасковья¹², младшая сестра царицы, живет уединенно из-за своих недугов. Хотя она часто бывает при дворе, но ее поведение было не очень порядочным. И она расплачивается за это сейчас, будучи почти парализованной вследствие подагры и других болезней, которые вскоре приведут ее к концу.

Принцесса Елизавета, дочь царя Петра I и царицы Екатерины, родилась 21 декабря 1709 года. Она очень красива, наделена разумом, манерами и грацией. Она великолепно говорит по-французски и по-немецки. Царь Петр II, ее племянник, был влюблен в нее, но она не дала места ни малейшему подозрению в том, что она ответила на его чувство. Я думаю, что если бы она могла надеяться выйти замуж за царя, то обратила бы внимание на его чувство, но это было невозможно, поскольку, согласно неперемому закону русской религии, никто не должен жениться на своей родственнице, вплоть до двоюродной сестры. Если бы принцесса Елизавета вела бы себя с благоразумием и рассудительностью, как это подобает принцессе крови, и если бы она не была дочерью царицы Екатерины, то все складывалось бы в пользу того, чтобы ей стать царицей после смерти Петра II. Но позорный обмен любезностями с человеком простого происхождения [л. 9 об.] лишил ее чести короны.

Гл. 2. О царе Петре II.

Царь Петр II родился 22 октября 1715 г. и был сыном царевича Алексея Петровича, которого царь Петр I, его отец, приказал умертвить 17 июля 1718 г., и Шарлотты-Христины Брауншвейг-Вольфенбюттельской, сестры правящей императрицы¹³, умершей при родах 1 ноября 1715 года¹⁴.

После смерти царя Петра I юный Петр имел полное право на трон, но в собрании сословий Петр упразднил естественное право, дающее детям право наследовать родителям, заменив его иным, согласно которому он указал, что каждый отец семьи, и не только в обычных семействах, но и в царском доме, может назвать своим наследником того, кого сочтет нужным, даже в ущерб своим детям и родственникам, не будучи принужден как-либо объяснять подобную несправедливость, кроме как тем, что он не нашел никого другого, более способного распорядиться после его смерти тем добром, которое он оставляет¹⁵. Благодаря этому Петр I назвал преемницей своей короны царицу Екатерину¹⁶ [л. 10], свою жену, согласно тому завещанию, которое он сделал по этому случаю. Но, будучи по некоторой причине разочарован в ней, он порвал завещание и намеревался оставить корону своему племяннику. Однако, поскольку у него не осталось времени сделать новое распоряжение, Екатерина, поддержанная гвардией

и князем Меншиковым, заставила провозгласить и признать себя императрицей всех русских.

Все время, пока правила Екатерина, царевичу уделяли мало внимания, и можно сказать, что быть при его дворе считалось преступлением. Вовсе не сомневались в том, что намерением царицы было обеспечить под конец своих дней короною одну из своих дочерей, старшая из которых была герцогиней Гольштейн-Готторпской, а младшая, принцесса Елизавета, была еще девочкой. Но этот план не имел никаких последствий, поскольку царица умерла от яда 17 мая 1727 г., и в тот же день Петр II был провозглашен и признан монархом всех русских¹⁷.

На следующий день после смерти Екатерины вся знать собралась для чтения подложного завещания, которое гласило, что на время малолетства царя будет регентский совет, состоящий из герцога Гольштейнского¹⁸, принцессы Елизаветы, первого министра и генералиссимуса князя Меншикова¹⁹, генерала-адмирала графа Апраксина²⁰, канцлера графа Головкина²¹, [л. 9 об.], вице-канцлера и воспитателя царя барона Остермана²² и князя Дмитрия Голицына²³. Сначала этот совет так и существовал, но отращение, которое русские питали к герцогу Гольштейнскому, было таково, что тот решил вернуться в свои владения, что и сделал 25 июля следующего года²⁴; сверх того, приказано было, чтобы принцесса Елизавета вовсе не появлялась в сем совете.

Реально регентство ничем не занималось, поскольку князь Меншиков присвоил себе всю власть. Его нетерпеливость доходила до того, что он готовил женитьбу царя на своей старшей дочери²⁵, чтобы воспитать его в согласии со своими видами и удерживать там, словно узника, возможно даже с намерением со временем избавиться от него, дабы водрузить корону себе на голову. Но Бог не захотел допустить, чтобы это насилие долее продолжалось, поскольку в сентябре царь, еще совсем нежного возраста, возымел достаточно решимости на то, чтобы схватить Меншикова со всей его семьей, приказать отдать его под суд и отправить под стражей за стель от Москвы.

Я ничего не сказал до сих пор о Меншикове и довольствуюсь тем, что дам в свое время краткий рассказ о его судьбе.

После падения Меншикова совет [л. 11] состоял лишь из Головкина, Апраксина, Остермана и Дмитрия Голицына. За некоторое время до коронации туда были назначены князья Василий и Алексей Долгорукие²⁶.

Страх, который все питали перед царицей, стал причиной и дурного воспитания царя, и с того времени, как он увидел, что сам является хозяином своей судьбы, он предался праздности и вследствие того — пороку, в особенности же женщинам, и нисколько не старался узнать того, что должен знать монарх. Об этом можно определенно пожалеть, поскольку это был один из самых прекрасных принцев, какого только можно видеть. Он был высокого роста, хорошо сложен, красив лицом, судил здраво и был очень проникновен, хорошо танцевал и хорошо сидел на лошади и был очень подвижным. Но все его прекрасные качества были утрачены из-за дурных наклонностей тех, кто окружал его и, не переставая, увлекал его в пропасть. Поскольку все его фавориты были русскими, людьми невежественными по природе и склонными ко всему дурному, оказалось также, что они безрассудно питали отвращение ко всем иностранцам, а его воспитывали так, чтобы их монарх от силы умел бы читать. Если бы при нем были бы люди, которые давали бы ему добрые советы, то у меня не появилось бы никакого сомнения в том, что он стал бы одним из величайших принцев в Европе, поскольку основа-то была великолепной. Но Долгорукие овладели им таким образом, что есть опасение, что Россия [л. 11 об.] могла бы вернуться к своему прежнему варварству и разрушилось бы все то, что установил великий Петр I. Одно позволяет мне надеяться, что царь стал бы со временем великим монархом: то, что даже в разгар своих увеселений он неспособен был сделать что-либо, что оказалось бы против интересов его монархии; и случалось, что, уже когда я был при его дворе, его фавориты предлагали ему разные вещи, которые вполне могли

бы удовлетворить его, если бы не были противны его интересам, так что он никогда не хотел и слышать о них. Склонности к вину (обычный недостаток русских) он не имел никакой и очень спокойно и без неудовольствия выслушивал те замечания, которые делал ему граф Остерман об опасности жизни, которую он вел, хотя в то же время они не производили на него никакого впечатления²⁷.

Фаворитом царя был князь Иван Долгорукий²⁸, сын князя Алексея, молодой человек лет 20—22, не имевший никаких способностей и совсем малого рассудка, очень пустой и невежественный, но с добрым сердцем. Царь ни секунды не мог оставаться без него и хотел, чтобы тот всегда спал в его покоях, и если случалось, что Долгорукий был болен, то царь отправлялся ночевать к нему. Его фавор происходил от того, что при царице, когда никто не рисковал быть при дворе царевича, только он был у него в милости и всегда оставался при нем. Когда Екатерина умерла [л. 12], Долгорукий продолжил свои ухаживания за царем, который сделал его своим камер-юнкером, кавалером ордена Святого Александра, капитаном гренадеров гвардии в Преображенском полку и указал просить у польского короля удостоить его ордена Белого Орла. В этом фаворите не было бы ничего дурного, если бы он не был столь слепо предан царю, так что способен был содействовать ему и следовать за своим государем в стольких пороках, в скольких тот хотел, ни единожды не дав ему доброго совета, но оставляя это в стороне. У него были хорошие задатки, он был очень приветливым, внимательным и находил поначалу простое удовольствие в том, чтобы нравиться всем и оказывать услуги, однако в конце концов оказался несносным и потеряннным даже для своего отца.

Царь очень доверял также барону Остерману, который позволял себе несколько раз живо упрекать его за его поведение, но влияние Долгорукого оказывалось сильнее, хотя и без какого-либо ущерба для Остермана, которого царь действительно любил и уважал.

Под конец, со смертью этого монарха, Россия много потеряла, но оплакивали его мало [л. 12 об.], а ненависть, которую питал всякий к дому Долгоруких, была такова, что главные вельможи вследствие его падения радовались и смерти царя, чья женитьба на принцессе Екатерине Долгорукой²⁹, сестре фаворита, должна была состояться в феврале того же года.

Великая княгиня Наталья³⁰, сестра царя по матери и отцу, родилась 23 июля 1714 года. Нельзя сказать, чтобы она была красива: у нее была ветряная оспа и она была немного курноса, но была хорошо сложена, имела превосходный ум и рассудительность. Она была среднего роста и скорее полна, нежели худа, у нее были доброе лицо, красивая шея и руки. Друзья принцессы Елизаветы поссорили ее с царем, чего для бедной принцессы оказалось вполне достаточно, так что она не имела ни малейшего доступа к власти. Ее характер был восхитителен, она была щедра ко всем и милосердна к бедным, любила доставлять удовольствие, была очень расположена к иностранцам, очень хорошо говорила по-французски и по-английски. С огромной печалью в сердце видела она путь в пропасть, куда стремился ее брат, и очень хотела спасти его, но ей вовсе не удавалось переговорить с ним, и сама она знала, что царю внушили пренебрегать ею. Одним словом, это была [л. 13] одна из самых совершенных принцесс в мире, которая оказалась бы благословением России, если бы выжила; но печали, которые были ей причинены, стали причиной чахотки, от которой она умерла 3 декабря 1728 г., оплаканная всеми, кто знал ее, и прежде всего иностранцами.

Гл. 3. О царе Петре I и его двух женах.

О великом Петре I сказано и написано столько, что все, что я могу сказать о нем, явилось бы повторением написанного лучшим пером, нежели мое, и оказалось бы не столь красноречиво, как он того заслуживает. Что касается меня, то я скажу лишь в двух словах, что, по моему мнению, это

был герой. Он начал править Российской империей, подверженной бесконечным восстаниям, в очень раннем возрасте, и на его жизнь много раз покушались. Он счастливо избежал всех западней, расставленных перед ним, только благодаря своему мужеству и осторожности. Он рассудил, что ему было бы полезно увидеть другие страны, чтобы познакомиться с их образом жизни, и побывал в Голландии, Англии, Германии и Польше, где, знакомясь со всем, увидел, что на его народ можно смотреть, как на варварский [л.13об.] в сравнении с другими европейскими народами, и уделил все свое внимание тому, чтобы его подданные путешествовали, послав их в большом количестве ко всем дворам, чтобы обучиться ремеслам, и призвав с разных сторон людей, опытных в производствах и науках. Русские войска не знали ни уставов, ни субординации, ни порядка и находились на том же уровне, что и у татар, так что, когда он хотел вести войну, его войска собирались и шли на поиски неприятеля, не соблюдая ни единого правила военного искусства. Петр поставил их на уровень немецких войск, сформировал полки, создал уставы и не без больших трудностей добился того, чтобы они пришли в нынешнее состояние, хотя, конечно, они и не являются ни лучшими по качеству войсками в Европе, ни лучше всех обученными. В Российской монархии вовсе не знали о том, что такое корабли, а он добился также создания военного флота, достаточно хорошего и достаточно упорядоченного, как будет показано ниже в соответствующем разделе.

Он великолепно изучил все ремесла, а больше всего механические, и не имелось никакого другого военно-морского офицера в Европе, который лучше него знал бы свои обязанности, в особенности же судостроение. Ни один генерал не знал военного дела лучше, чем этот великий [л.14] монарх, благодаря чему он совершил столь большие завоевания, что расширил свои владения на Севере и до Курляндии, завоевав затем провинции Ливонию, Эстонию, Ингрию, Карелию и часть Финляндии. В сторону Азии он протянул свои завоевания далеко за Дербент, в Персии и на Каспийском море, на Понте Евксинском и до Азова. Бесчисленное количество людей, которые умерли из-за него в страшных муках, заставляют видеть в нем даже жестокого человека, но он вовсе не был таковым, а напротив, был очень гуманным; но с таким варварским народом, который ежедневно злоумышлял против его жизни, необходимо быть жестоким. Он нежно любил иностранцев и всегда обращался с ними с наибольшей добротой, награждая их, когда они того заслуживали. Наряду с такими присущими герою добродетелями он имел также большие недостатки и пороки: любил вино с излишествами, женщин же любил слишком грубо, не говоря уже о другом постыдном пороке, о котором скромность заставляет меня умолчать.

Наконец, он достиг того, что полностью изменил образ монархии. Но Богу не угодно было позволить ему еще улучшить свой труд, и без того весьма великий, поэтому он был призван из мира сего 21 февраля 1725 г. в возрасте 52 лет. Но он оставил Россию, по крайней мере, в таком состоянии, что ей вроде бы невозможно уже вернуться [л.14об.] к своему прежнему варварству. И хотя то, что я сообщил о великом монархе, не может сравниться с тем, что я мог бы сказать, я не стану более касаться его из опасения показаться многословным и перейду к двум его женам.

Первая жена царя Петра I была из рода Лопухиных²¹, одного из самых древних в России. Царь женился на ней в 1689 году. У него был от нее царевич Алексей Петрович, отец Петра II. Царь жил с ней в тесном единении до тех пор, пока ненависть, которая была у царицы к иностранцам и к обычаям разных областей Европы (которые очень приходились по нраву царю), не начала создавать между ними некоторое охлаждение. К этому надо добавить, что царица была очень склонна к любовным связям, и ее муж, раскрыв одну из них, развелся с ней в 1698 г. и поместил ее в монастырь, а вскоре после того — в крепость Шлиссельбург, где она и находилась вплоть до смерти Екатерины, которая наследовала Петру; и тогда царь Петр II отправил ее в Москву и поместил в Новодевичий монастырь. Как только Петр II прибыл в Москву, он посетил ее, но не впал в доверие к ней,

на что она надеялась из-за крайнего желания руководить им. В то же время он выделил ей 60 тыс. руб. [л. 15] ежегодного пенсионера, жилье во дворце и прислугу обоюбого пола, чтобы прислуживать ей. Когда я увидел ее, она была уже стара, а меня уверили, что она всегда была очень красива, но так ветрена, что даже в тюрьме завела связь с дворянином по фамилии Глебов²², что и было раскрыто. Он был схвачен и через несколько дней посажен на кол. Твердость этого Глебова во время мучений была невероятной, так что я сомневаюсь в том, чтобы в древней или новой истории можно было бы найти пример, похожий на этот. Его заставляли выносить столь много пыток, сколько только можно себе представить, но он ни разу ни в чем не признался и не говорил ничего за исключением того, что царица ни в чем не виновата, и прожил еще некоторое время после того, как его посадили на кол. Сам царь пришел допросить его, но Глебов насмеялся над ним и плюнул ему в лицо. Эта царица умерла в 1731 году.

Жизнь царицы Екатерины, второй жены Петра I, представляет собой нечто в роде сказки. Никто не мог сказать мне о ней что-либо определенное. То, что я сумел извлечь из нескольких источников, следует ниже.

Она родилась в Литве от родителей-католиков [л.15об.], бедных трактирщиков, неизвестно, в котором году. Когда она достигла того возраста, что можно было идти в услужение, один лютеранский священник взял ее в служанки. В его доме, где она пробыла несколько лет, она стала лютеранкой, пока не договорилась о замужестве с шведским офицером. Она вышла за него замуж в г. Мариенбург в 1702 г., но в день свадьбы еще до того, как брак был заключен, русские овладели селением и сделали ее пленницей. Генерал Ренне²³ взял ее к себе в услужение и сделал своей любовницей, но, быстро наскучив ею, подарил ее фельдмаршалу Шереметеву²⁴. В его доме она выполняла те же обязанности, что и у Ренне, но князь Меншиков, отведав ее, забрал ее к себе в дом.

Когда царь в первый раз увидел ее, он влюбился в нее и приказал Меншикову позаботиться о ней. Несколько позже он забрал ее из его дома и определил на жительство к себе во дворец, где насчет нее было мало слышно, хотя она и родила уже несколько детей от Его Величества²⁵. Монарх в 1711 г. отправился воевать с турками и провозгласил ее царицей. Удача не сопутствовала Петру в этой кампании, и он так углубился внутрь территории, что турки отрезали путь к отступлению, и он не знал [л.16], как выбраться из этого опасного положения. Здесь-то Екатерина и показала свой ум: она собрала все драгоценности — свои и двора — и заложила их за такую большую сумму, которая смогла заинтересовать великого визиря, и тем самым сумела достичь знаменитого Прутского мира, пожертвовав только Азовом на Понте Евксинском, который царь возвратил великому визирю. Царь незадолго до того публично женился на ней, но, поскольку ему это не казалось достаточно убедительным, он повторил акт венчания в том же году по приезде в Москву. Екатерина приняла русскую религию тотчас после того, как царь объявил ее царицей, дала вновь окрестить себя, приняла имя Екатерины Алексеевны и с того дня, как она вышла за него, возымела большое влияние на управление всеми делами монархии.

Когда царь в 1717 г. отправился в Голландию, то взял ее с собой и оставил только на то время, когда направился в Париж, и, хотя по возвращении он открыл различные ее измены (а среди прочих с неким Монсом²⁶, которому он приказал отрубить голову), он любил ее так, что в 1724 г. короновал ее в Москве, чего никогда не делалось с царицами, и когда он умирал, то распорядился, чтобы она наследовала его империю в предпочтении перед законным наследником, которым должен был бы [л.16об.] стать царь Петр II.

Когда она увидела себя единственной обладательницей короны, то правила с возможно большей осторожностью и умеренностью и оказывала то же доверие, которое имел ее покойный муж, к князю Меншикову, который стал ее первым министром; а когда был заключен Венский трактат, то она присоединилась к нему, за что император так почитал ее, что уговорил короля, нашего государя, направить посла ко двору Ее Царского

Величества, чтобы он находился там. Мне пришлось (невзирая на мои слабые способности) быть первым испанским послом, который отправился в страну, столь далекую от нашей. Царица была немало исполнена тщеславия от того, что король посылает к ней официальное посольство, а в качестве посла — человека с моим происхождением. Но Богу не угодно было, чтобы я имел удовольствие и удовлетворение познакомиться с этой великой государыней. Она умерла 17 мая, спустя два месяца после моего отъезда из Мадрида.

Она была очень крупной и полной, вовсе не красивой, но очень любезной; ее глаза — большие и черные, а рот очень красив. Она была одаренной и смелой, столь щедрой, что дальше некуда, и она сделала много добра тем, кто ее воспитал, и тем, кто участвовал в ее судьбе. Она правила недолго, но успешно [л. 17] и была почитаема всю Европой. У нее не имелось репутации очень целомудренной женщины и даже напротив, но я не собираюсь усугублять того, что было напечатано о ее невоздержанности своим «да» или «нет». Она умерла (согласно тому, что говорят) 38-ми лет, хотя это в точности и неизвестно. Ее, как и всех величайших монархов, при жизни боялись, а после ее смерти никто не дерзнул заявить, что был у нее в фаворе. Вот вкратце все то, что я смог установить о жизни этой героини, в связи с чем я и завершаю эту главу.

Гл. 4. О царевиче Алексее Петровиче, отце царя Петра II.

Царевич Алексей Петрович, сын Петра I и его первой жены Евдокии Федоровны, отец царя Петра II, родился в 1690 г. и с детства проявлял свою злую натуру. Его отец делал для него все, что мог, и дал ему хорошее воспитание, но тот вовсе не проявлял расположения учиться чему-либо, выказал дикий нрав и столь большую склонность к старинному варварству, что Петр Великий решил с тех пор, что из его сына никогда [л. 17об.] не вырастет добрый подданный. Это не помешало ему сделать все, чтобы образовать его в духе того правления, которому царь следовал, и вдалбливать ему в голову те же правила, которые он хотел установить. Но царевич вместо того, чтобы признать исключительную заботу, которую отец уделял его воспитанию, обращал в шутку все, что царь ни делал, а особенно новшества, которые тот вводил, чтобы вывести свою монархию из грубого варварства, в котором она пребывала до тех пор. И царевич постоянно говорил русским, что, когда они возведут его на трон, все возвратится в свое прошлое состояние, и что он прогонит всех этих иностранных плутов, которые насоветовали его отцу все перемены, и что он посыплет солью город С.-Петербург. Не было недостатка в людях, которые в точности оповещали царя обо всем, что бы он ни говорил или делал, но при всем этом царь сделал все возможное, чтобы, действуя лаской, вернуть себе сына и внушить ему расположение к иностранцам. Он женил его в 1711 г. на принцессе Шарлотте-Христине Брауншвейг-Вольфенбюттельской, младшей сестре правящей императрицы, принцессе добродетельной, красивой и рассудительной. У царевича были от нее дети — в 1711 г. принцесса Наталья и в 1715 г. будущий царь Петр II. Несчастливая принцесса умерла от выкидыша, настрадавшись, как настоящая мученица [л. 18], от мужа-варвара, который недостойно обращался с ней и никогда не оказал ей ни малейшего внимания.

Итак его отец, видя, что из-за своей неспособности тот становится недостойным наследовать ему, и что, кроме того, слабость его темперамента действительно не позволяет ему принимать необходимое участие в делах правления, и что, следовательно, он повернет все назад, когда случай предоставит ему возможность взойти на престол, — решил либо принудить его поступать согласно своим правилам, либо отказаться от наследования; и после смерти принцессы, его жены, он оставил ему в октябре 1715 г. перед отъездом в Голландию записку, в которой требовал от него изменить свое поведение и постараться изучить все, что надлежит знать великому монарху, в особенности же военное дело. Все содержание этой записки было

выдержано в выражениях, способных проникнуть в самое грубое сердце, а заканчивалась она словами: «Не воображайте себе, что, поскольку у меня нет другого сына, я хочу лишь навести на вас страх. Я определенно лишу вас права наследования, если Богу будет угодно, поскольку всю свою жизнь я рассматриваю только как служение моей Родине и благу моего народа. Как же я могу смотреть на [л. 18об.] вас, становящегося недостойным править ими. Я предпочту передать свою корону иностранцу, который будет достоин носить ее, нежели своему сыну, вовсе ее недостойному»³⁷.

Царевич, увидев эту бумагу, письменно ответил отцу, что не чувствует себя достойным править, и вовсе не претендует на это, и что E[го] B[еличество] может располагать короной, поскольку он-то вовсе не думает о ней; что он призывает бога в свидетели того, что сказал, и что просит у E[го] B[еличества] лишь позаботиться о его детях и предоставить ему, на что существовать после того, как он удалится от двора и от дел³⁸.

Ввиду такого ответа царь захотел вторично предпринять попытку и написал ему другую бумагу, где говорилось, что из его ответа он увидел, что тот не думает больше о престолонаследии, значит в этом деле тот и не нуждается в его совете; но он вовсе не хочет, чтобы тот жил, словно животное, думая только о питье и еде, а отсюда следует, чтобы тот принял благое решение и либо заставил себя учиться править, либо сделался монахом³⁹.

На это царевич ответил в четырех словах, что он решил вступить в духовное сословие⁴⁰. Несмотря на это, царь заставил его явиться, перед тем как он отправился в Голландию [л. 19], и вновь потребовал от него сказать, какое решение тот принял, и тот ответил — сделаться монахом. Царь проявил сочувствие к нему и обрисовал ему лишения монашеской жизни; и хотя царевич поклялся ему ужасными клятвами, что решил вести такую жизнь, монарх дал ему шесть месяцев на то, чтобы тот принял окончательное решение по зрелом размышлении. После этого разговора царь уехал и дал пройти шести месяцам, не слыша ни вздоха от своего сына. Он написал ему в августе 1716 г., сообщая, что предписанное ему время истекло и что он хочет, чтобы тот принял решение, и если хочет стать достойным того, чтобы наследовать ему, то пусть, не медля ни на мгновение, придет и разыщет его; но если он будет настаивать на первом решении, то пусть сообщит, когда и в каком монастыре хочет принять обет⁴¹.

Тогда царевич, увидев, что нужно принять определенное решение, вообразил обмануть своего отца и ответил ему, что едет, чтобы присоединиться к нему в Дании. Он действительно уехал, но вместо того, чтобы отправиться к отцу, поехал в Вену, где, будучи неузнанным, обратился за покровительством к императору, его свояку⁴². Его Императорское Величество не захотел, чтобы царевич оставался там, и отправил его в Неаполь. В то же [л. 19об.] время царь, узнавший о побеге сына, послал своих переодетых доверенных лиц Толстого⁴³ и Румянцева⁴⁴ с приказом поспешить, как только можно, чтобы обнаружить место, где тот скрылся, и вручить ему письмо, которое он передал с ними для него; в нем он предписывал тому быстро вернуться в Россию, дав слово, что, если тот подчинится без промедления, то он не накажет его за неподчинение. Двое посланцев прибыли в Неаполь, и царевич, видя себя лишенным средств, поскольку император публично не хочет защищать его, ответил отцу в октябре 1717 г., что отбывает во исполнение его приказа в Санкт-Петербург, куда и действительно вскоре прибыл, но не встретил царя, поскольку тот поехал в Москву. Толстой и Румянцев привезли его в этот город, и туда он прибыл в феврале 1718 года. На следующий день царь велел схватить его и, собрав Сенат, большой совет и главных придворных вельмож, приказал привести царевича и допросить его в общем присутствии. Царевич в слезах признался в своих преступлениях, и царь приказал, чтобы его судили с самой большой строгостью. Главные участники суда над ним установили, что тот замышлял сделаться обладателем короны, учинив для этого заговор [л. 20] с некоторыми придворными вельможами, а также, что он просил

императора участвовать в таком суде, одним словом, решив лишить своего отца жизни и короны.

Суд длился до конца июня, а потом, после зрелого размышления и допросив всех соучастников, признавших все худшие намерения царевича, этому несчастному принцу вынес смертный приговор. Все подписали его, в том числе восемь епископов, четыре игумена и два богослова. Те, кто хочет извинить царя, говорят о том, что, когда он услышал смертный приговор, произнесенный судьями, то не захотел сказать о том, на что же он решился, но перед тем, как объявят приговор, приказал, чтобы его официально сообщили его сыну. Царевич, от природы наделенный слабым умом, был под таким впечатлением от страха, что ему угрожает смерть, что это вызвало у него потрясение всех чувств и бросило его в подобие летаргии с конвульсиями, из которой его очень трудно было вывести, хотя ему настоятельно говорили, что царь его простит. После этого он достаточно пришел в себя, чтобы проявить знаки действительного раскаяния в своих преступлениях, которые он публично признал, и он просил за них прощения у своего отца в присутствии многих церковников [л. 20], сенаторов и знатных вельмож; но впечатление, которое произвела на него мысль о насильственной смерти, было столь большим, что он не сумел найти средство спасения от своего несчастного впечатления и, приняв предсмертное причастие и будучи миропомазан, умер 17 июля в Петербургской крепости. Так говорят те, кто хочет оправдать царя. Но все убеждены в том, что Е[го] В[еличество] приказал дать ему яд, как только ему был произнесен приговор, чтобы все верили, что намерение царя было простить его. И это тоже может быть неправдой. Вполне возможно, что царевич, пусть даже мало одаренный, мог из-за страха смерти испытать такое потрясение, о котором было только что упомянуто, зная тем более, что его преступления заслуживают наиболее подобающего наказания. Как бы то ни было, со смертью царевича царь избавился от сына, худшего, чем Авессалом⁴⁵; он, конечно, вернул бы Всероссийскую монархию к ее прежнему варварству, если бы ему представился случай стать наследником своего отца.

Гл. 5. О князе Меншикове, фаворите царя Петра I.

Знаменитый князь Александр Меншиков произвел столько шума в мире, что невозможно обойтись без того, чтобы хотя бы некоторым образом не коснуться его большой судьбы, поскольку имеется немного примеров такой власти, которой обладал он в России, и падения, одного из самых страшных в ряду тех, которые случались с первыми министрами.

Он родился в 1673 г. от столь бедных родителей, что они предназначали его к ремеслу пирожника и для этого отдали его в ученики, а он каждый день ходил по улицам, продавая пирожки. Случаю было угодно, чтобы он продал их царю Петру I, который, увидев, что тот — весьма живой и очень метко отвечает на вопросы, которые ему задаются, оценил его и взял во дворец как комнатного слугу, и в этом качестве он служил монарху с такой точностью и рвением, что тот сделал его камердинером и столь доверял ему, что Меншиков был единственным, спавшим в комнате царя, а царь предоставлял ему все, что бы он ни попросил, так что почти все те, кто хотел что-либо получить от царя [л. 21], прибегали к покровительству его камердинера. В этом качестве он служил монарху много лет, день за днем получая все более и более его милостей, пока действительно не стал фаворитом. Наконец, в 17... году царь одним махом сделал его князем и герцогом Ингерманландским и фельдмаршалом его войск, и в этом качестве он командовал войсками под руководством своего государя. С тех пор он исполнял обязанности первого министра царя и был посвящен во все дела монархии, а что самое необычайное, так это то, что он никогда не умел ни читать, ни писать. Посреди большого фавора, в котором он оказался, он попал под следствие из-за растраты и был недалек до того, чтобы лишиться головы, но нашел средства, чтобы выпутаться подобру из этого дела

и вернуть себе еще большую милость царя, чем было у него ранее, отдав ему по совести все те деньги, которые украл, и прося прощения за свои преступления. Монарх еще за несколько лет до того наградил его орденом Святого Андрея, а союзники Е[го] В[еличества], чтобы завоевать сердце министра, давали ему также свои ордена, а именно: король Дании — орден Слона, король Польши — Белого Орла, король Пруссии — Черного Орла, император же сделал его князем [л. 22] Священной Римской империи. Меншиков собрал столько богатств, что наверняка стал самым богатым частным лицом в Европе как по наличным деньгам и драгоценным камням, так и по имениям. Наконец, царь умер, и Меншиков остался в том же фаворе в правление царицы Екатерины, которая была обязана ему короной и сделала его столь всевластным в правительстве, что никто не решался ему противоречить и то, что он говорил, должно было исполняться, тот же, кто ему противоречил, рисковал быть сосланным. С тех пор он выказал себя крайне мстительным и наказывал суровыми мерами и ссылкой всех, кто противостоял ему. Но он сделал большое дело, убедив царицу присоединиться к Венскому договору, в благодарность за что император пожаловал ему имения в Силезии с титулом герцога. Наконец, царица 17 мая 1727 г. умерла, а Меншиков остался первым министром и захотел обеспечить свою власть, удерживая в своих руках царя Петра II как раба. Чтобы добиться этого, он убедил царя (или, правильнее сказать, принуждал) жениться на своей старшей дочери, но поскольку монарх еще не имел достаточного возраста для того, чтобы жениться, то Меншиков увез царя к себе домой, чтобы он жил там, и удалял от него всех, кто внушал опасения, а своего сына⁴⁶, который был еще [л. 22об.] ребенком, маленьким мальчиком, сделал обер-камергером и кавалером орденов Святого Андрея и Святого Александра, а себя провозгласил генералиссимусом всех российских войск.

Как только он заполучил царя к себе в дом, то стал обращаться с ним столь сурово, что стал невыносимым для монарха, и это дало повод его врагам, хорошо знавшим ненависть, которую царь питал к нему, действовать против него. Они обрисовали царю дерзость Меншикова, который, будучи столь ничтожного происхождения, хотел принудить его к браку со своей дочерью⁴⁷. Они дали царю понять, что цель, с которой тот удерживает его взаперти, состояла в том, чтобы подстроить все так, дабы сделаться хозяином империи, а затем отравить его; наконец, они смогли убедить царя, чтобы он принял решение избавиться от Меншикова и сбросить с себя ярмо. Итак, в начале сентября, когда Меншиков считал себя хозяином царя и империи более, чем когда-либо, майор гвардии Преображенского полка граф Салтыков⁴⁸ по приказу Его Величества схватил его и препроводил со всей его семьей в загородный дом князя, который назывался Ранненбург, удаленный от Москвы на сто лье. В то же время царь приказал, чтобы его отдали под суд; были конфискованы [л. 23] все его имения, обстановка, драгоценности и золото, а его семье оставлено 10 тыс. экю пенсiona на проживание. Его лишили также всех постов и орденов, которые были у него, а ордена иностранных держав вернули их послам. Меншиков перенес немилость с величайшим мужеством и жил в Ранненбурге с большим душевным спокойствием или выказывая таковое, хотя бы для вида, вплоть до апреля 1728 г., когда царю поднесли анонимную бумагу, в которой расхваливались великие достоинства разжалованного князя и которая кончалась тем, что Россия никогда не будет хорошо управляться, пока его не вернут к руководству правительством⁴⁹. Эта записка довершила его падение, и поскольку узнали, что одна из его своячениц, Варвара,⁵⁰ действовала тайно, то ее за постоянные интриги в его пользу препроводили в монастырь на границе с Персией, а Меншикова, сослали на остров Березов, где он и умер в 1729 году.

Вот в двух словах история знаменитого князя Меншикова, который всегда оставался бы на посту министра, если бы был жив царь Петр I, поклявшийся ему никогда не бросить его и не казнить его. Тем не менее, тот же царь не раз имел обыкновение бить его палкой, да так, что сбивал его с ног; но на следующий день они вновь [л. 23об.] становились друзьями.

Он так же держался бы и с царем Петром II, если бы его не ослепило честолюбие и если бы он завоевал сердце юного монарха, которому он мог бы наверняка служить с большим успехом благодаря своему характеру, который я сейчас опишу.

Князь Меншиков был высок и хорошо сложен, но тонок, его лицо было приятным, а глаза — очень живыми. Он был очень чистоплотным (редкая черта для русских) и всегда носил великолепные одежды, очень дорогую белую рубашку и свои ордена, украшенные большим количеством драгоценных камней. Он был великолепен во всем и очень щедрым вплоть до смерти царя Петра I, но после этого стал честолюбивым. Эту перемену приписывают больше влиянию его свояченицы Варвары (которая полностью руководила им), нежели его собственному характеру. У него были восхитительные достоинства.

Он был верен своему первому государю Петру настолько, что ничто не могло уменьшить его верности; был очень проникательным, а речь его — восхитительно ясной, рассматривал дела с очень большой сноровкой, не умея ни писать, ни читать. Он всегда способен был выбрать секретарями неподкупных людей. Был дерзок в исполнении своих планов и умел заставить повиноваться себе еще лучше, чем монарх.

Он был благодарен тем, кто сделал [л. 24] ему добро, и способствовал их фортуне, когда видел, что это в его власти. Но, напротив, он был (как я уже сказал) столь мстителен, что не простил собственному отцу одного оскорбления. И он не затруднялся отобрать подходящее имя у честного человека, если бы даже пришлось обвинить того под каким-то предлогом, чтобы конфисковать имение и присвоить его.

Его честолюбие было безгранично и его взгляды простирались только к тому, чтобы надеть на свою голову корону. У нас имеется тому доказательство: когда сегодняшний польский король⁵¹ отказался от короны, а царь находился в Польше со своей армией и не хотел допустить того, чтобы королевство попало в руки Станиславу⁵², он обратился именно к Меншикову, чтобы выяснить, кого из подданных можно предложить Речи Посполитой для избрания королем. И Меншиков без колебаний предложил себя самого, но государь поднял его на смех.

Он имел очень большую склонность к женщинам, но не очень большую к вину, был неутомим в труде, деятелен и бдителен, хотя его обвиняют в том, что он был не слишком полезен на войне. Он был большим покровителем иностранцев и сделал им много добра; одним словом, характер его был смесью добрых и дурных черт, так что нельзя решить, на какую сторону склонялись весы [л. 24об.], если можно было бы взвешивать. Совершенно несомненно, что он первым стал бы служить Петру II так же, как служил его деду, если бы снискал его милость добрыми манерами, женив его на равной ему, а не на своей дочери, и обращаясь с ним, как с монархом, а не как с пленником, и тогда оставался бы министром, поскольку в России его считали необходимым для блага монархии и единственным, кто мог, пользуясь своим авторитетом, удерживать дела в добром состоянии. Но его честолюбие так ослепило его, что он потерял себя и весь свой род, который увлек в немилость вслед за собой.

Примечания

1. Автор ошибся: она родилась 28.I.1693. Герцогиня Курляндская (1711—1730) и императрица Российская (1730—1740).
2. Иван Алексеевич (27.VIII.1666—29.I.1696) — царь с 26.V.1682, сын царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны, единокровный брат Петра I.
3. Прасковья Федоровна, царица (12.X.1664—13.X.1723), дочь Федора-Александра Петровича Салтыкова от первого брака с Екатериной Федоровной (ее девичья фамилия неизвестна).
4. Фридрих-Вильгельм (ум. 9.I.1711) — герцог Курляндский с 1698 г., венчан 31.X.1710 с Анной Иоанновной.
5. Петр II Алексеевич (12.X.1715—18.I.1730); 6 января простудился на водосвятии; 7 января заболел; 10 января стало известно, что у него оспа; умер в ночь на 19 января.

6. Речь идет о Петре-Ульрихе Голштинском, будущем Петре III (10.II.1728—6.VII.1762) и о Елизавете Петровне (18.XII.1709—25.XII.1761).
7. Екатерина Ивановна (29.X.1691—24.VI.1733), герцогиня Мекленбург-Шверинская, дочь царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны.
8. Долгорукий Василий Лукич (ок. 1670—8.XI.1739) — князь. Послан в 1687 г. во Францию в составе посольства кн. Я. Ф. Долгорукова, где оставался до 1700 года. Состоял при нем в Польше князь Г. Ф. Долгоруком (1700—1706 гг.), затем был послан в Польшу (1706—1707, 1724, 1725 гг.), в Данию (1707, 1720 гг.), Францию (1720—1722 гг.), Швецию (1727 г.). Кавалер ордена Слона (1713 г.), тайный советник (1715 г.), сенатор (1723 г.), действительный тайный советник (1725 г.), член Верховного тайного совета с 3.II.1728 года. Назначен губернатором в Сибирь 9.IV.1730 г., но назначение заменено 14.IV.1730 г. ссылкой в его деревню, затем в Соловки, куда он был доставлен 4.VIII.1730 года. Обезглавлен в Новгороде.

Голицын Михаил Михайлович младший (1.XI.1685—23.V.1764) — астраханский губернатор в 1740—1741 гг., адмирал (5.IX.1744 г.), генерал-адмирал (13.IX.1756 г.), действительный тайный советник, президент Юстиц- и вице-президент Адмиралтейств-коллегии (1749 г.), президент Адмиралтейств-коллегии с 5.IX.1746 г., кавалер орденов Св. Андрея Первозванного (2.VII.1746 г.) и Св. Александра Невского (25.IV.1743 г.).

Леонтьев Михаил Иванович (1682—12.IX.1752) — генерал-майор (1726 г.), сенатор (1740 г.), генерал-аншеф (1741 г.), киевский генерал-губернатор (1741 г.), кавалер ордена Св. Александра Невского (25.II.1729 г.).

9. Здесь Лира усиливает положительные стороны характеристики Анны Иоанновны, данной им в «Дневнике» («Она толста, смугловата, и лицо у нее более мужское, чем женское. В обращении она приятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедра до расточительности, любит пышность до чрезмерности, отчего двор ее великолепием превосходит все прочие европейские. Она строго наблюдает повинование к себе и желает знать все, что делается в государстве; не забывает услуг, ей оказанных; она вместе с тем помнит и нанесенные ей оскорбления. Словом, я могу сказать, что она совершенная государыня, достойная долголетнего царствования» (см.: Записки Дюка Лирийского о царствовании Петра Второго. — Русский архив, 1909, кн. 3, с. 397).
10. Екатерина Ивановна — царица, герцогиня Мекленбург-Шверинская с 1717 г., с 1722 г. жила в России.
11. Анна Леопольдовна (7.X.1718—7.III.1746) — правительница Российской империи (9.XI.1740—25.XI.1741). До принятия 12.V.1733 г. православия именовалась Елизавета-Екатерина-Христина (дочь Карла-Леопольда герцога Мекленбург-Шверинского и Екатерины Ивановны).
12. «Принцесса Прасковья умерла в 1731 г. (Родилась в 1695 г.)». Таково примечание автора. Но Лира здесь неточен. Прасковья Ивановна (12.V.1694—8.X.1731) — младшая дочь царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны, обвенчана с И. И. Дмитриевым-Мамоновым. О Прасковье и Екатерине Ивановнах Лира пишет также в «Дневнике» (см. «Записки...», ук. изд., с. 398).
13. Елизавета-Христина — императрица Священной Римской империи, жена Карла VI.
14. Даты, названные Лирой, отличаются от подлинных на один-два дня. Это связано, вероятно, с тем, что Лира переводит даты на новый стиль. Петр II (12.X.1715—18.I.1730) был, как сказано, сыном царевича Алексея Петровича (18.II.1690—26.VI.1718) и Шарлотты-Христины-Софии принцессы Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694—22.X.1715).
15. Здесь Лира смешивает два различных петровских указа: закон о майорате от 18.III.1714 г. и указ о престолонаследии от 5.II.1722 года. Такое смешение показательно, ибо сопоставление обоих указов явилось историографической традицией, причем в таких случаях обращается внимание на «индивидуализм эпохи преобразований», «петровский индивидуализм», вследствие которого оказывалось предпочтение произволу завещателя либо вообще монарха перед освященной стариною традицией (ПОКРОВСКИЙ М. Н. Русская история с древнейших времен. Ч. III. М. 1933, с. 245; RAEFF M. Noblesse et discours politique sous le règne de Pierre le Grand. — Cahiers du monde russe et soviétique, vol. XXXIV (1-2), Janvier-Juin 1993, p. 39—40).
16. Екатерина I Алексеевна (5.IV.1684—6.V.1727) — императрица Российская с 28.I.1725 г., в девичестве Марта Савронская.
17. Екатерина I умерла 6.V.1727 г. по ст. ст. Петр II был провозглашен императором на следующий день.
18. Карл-Фридрих герцог Гольштейн-Готторпский, племянник Карла XII, женат на Анне

Петровне (с 21.V.1735 г.), член Верховного тайного совета с 17.II.1726 г., подполковник гвардии, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного (9.VIII.1722 г.) и Св. Александра Невского (30.VIII.1725 г.), гротмейстер и кавалер ордена Св. Анны (3.II.1735 г.), отец принца Карла-Петра-Ульриха, будущего Петра III.

19. Меншиков Александр Данилович (6.XI.1673—22.X.1729) — генералиссимус, граф с 1702 г. и князь с 1706 г. Священной Римской империи, светлейший князь Ижорский с 1707 г., фельдмаршал с 1709 г., президент Военной коллегии в 1719—1724 гг., вице-адмирал с 1721 г., член Верховного тайного совета, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного (с 10.V.1703 г.), Св. Александра Невского (30.VIII.1725 г.), Белого орла (1705 г.), Слона (1710 г.) и Черного Орла. 8.IX.1727 г. арестован и сослан в Ренненбург, затем в Березов, где и умер.
20. Апраксин Федор Матвеевич (1661—10.XI.1728), граф, генерал-адмирал, член Верховного тайного совета с 1726 г., кавалер орденов Св. Андрея Первозванного (14.VI.1710 г.) и Св. Александра Невского (30.VIII.1725 г.)
21. Головкин Гавриил Иванович (1660—20.I.1734) — граф Священной Римской империи с 1707 г. и российский с 1709 г., канцлер с 1710 г., сенатор, член Верховного тайного совета, первый кабинет-министр при Анне Иоанновне, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного (17.V.1703 г.) и Св. Александра Невского (30.VIII.1725 г.). Лириа дает характеристики Апраксина и Головкина также в «Дневнике» («Записки»... Ук. изд., с. 398—399).
22. Остерман Генрих-Иоганн (Андрей Иванович, 30.V.1686—20.V.1747) — граф с 28.IV.1730 г., действительный тайный советник, генерал-адмирал с 10.XI.1740 г., вице-канцлер, первый кабинет-министр, на русской службе находился с 1703 г., член Верховного тайного совета в 1726—10.XI.1731 гг., обер-гофмейстер Петра Алексеевича с 1.I.1727 г., второй кабинет-министр с 10.X.1731 г., кавалер орденов Св. Андрея Первозванного (1.I.1727 г.) и Св. Александра Невского (19.XII.1727 г.), осужден на казнь 25.XI.1741 г., и 18.I.1742 г. был совершено ритуал казни, замененной ссылкой в Березов.
23. Голицын Дмитрий Михайлович (3.VI.1663 — апрель 1738) — князь, стольник, посланный Петром I в Италию на обучение в 1697 г., чрезвычайный посол в Константинополе с 1701 г., киевский губернатор в 1708—1721 гг., президент Камер-коллегии, сенатор, член Верховного тайного совета с 1726 г., президент Коммерц-коллегии, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного (1.I.1727 г.) и Св. Александра Невского (1.I.1727 г.). Лириа характеризует Остермана и Голицына также в «Дневнике» («Записки»... Ук. изд., с. 399—400).
24. Герцог Гольштейнский и Анна Петровна оставили Петербург 25.VII(5.VIII).1727 года. Анна Петровна скончалась 4(15).V.1728 г., оставив сына Карла-Петра-Ульриха.
25. Первый раз Петр II был обручен с княжной Марией Александровной Меншиковой 25.V.1727 г., второй раз — с княжной Екатериной Алексеевной Долгорукой.
26. Долгорукий Василий Владимирович (1667—11.II.1746) служил на Украине при гетманах Мазепе и Скоропадском, участвовал в Северной войне, по делу царевича Алексея Петровича сослан был в Соликамск, 7.V.1724 г. ему было разрешено вернуться на службу в чине полковника, в 1726 г. произведен в генерал-аншефы и послан главнокомандующим Низовым корпусом, в 1728 г. стал генерал-фельдмаршалом; член Верховного тайного совета, сослан в Ивангород в 1738 г., заточен в Соловецкий монастырь в 1739 г., 4.XII.1741 г. ему возвращены чины и княжеское достоинство, затем назначен президентом Военной коллегии, кавалер ордена Св. Андрея Первозванного (14.X.1711, возвращен в 1726 г., вторично отобран в 1730 г. и вновь пожалован 25.IV.1742 г.) и Св. Александра Невского (25.IV.1742 г.). В «Дневнике» Лириа дает ему следующую характеристику: «Фельдмаршал князь Долгорукий — человек умный, храбрый, честный и довольно хорошо знающий военное искусство. Он не умел притворяться и часто доводил искренность до излишества; был отважен и очень тщеславен; друг искренний, враг непримиримый; нельзя сказать, чтобы он ненавидел иноземцев, но и не жаловал их слишком. Он жил благородно, и я поистине могу сказать, что это такой русский вельможа, который более всех приносил чести своему отечеству» («Записки»... Ук. изд., с. 400).
- Долгорукий Алексей Григорьевич (ум. в 1734 г.) — князь, губернатор в Смоленске с 1713 г., президент Главного магистрата с 1723 г., сенатор с 8.II.1726 г., гофмейстер и второй воспитатель Петра II с 1726 г., кавалер орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского (12.X.1727 г.), действительный тайный советник и член Верховного тайного совета с 3.II.1728 г., сослан в свое село Никольское Касимовского уезда 8.IV.1730 г., лишен орденов 14.IV.1730 г., 12.VI.1730 г. сослан в Березов.
27. Эта характеристика Петра II перекликается с характеристикой из «Дневника»: «Петр II был высокого роста, красив собою и сложен хорошо; на лице его видна была задум-

- чивость; сложение крепкое, поступь величественная и сила необыкновенная. Хотя и трудно-вато сказать что-либо окончательное о характере 14-летнего государя, но можно было догадываться, что он будет вспыльчив, решителен и, может быть, жесток. Он не терпел вина, то есть не любил пить более надлежащего, и был щедр до того, что щедрость его походила на расточительность. Хотя с приближенными к нему он обходился ласково, однако же не забывал своего высокого сана и не вдавался в слишком короткие связи. Он быстро понимал все; но был осмотрителен, любил свой народ и мало уважал другие. Словом, мог бы со временем быть великим государем, если бы ему удалось поправить недостаток воспитания, данного ему Долгоруковыми» («Записки»... Ук. изд., с. 397—398).
28. Долгорукий Иван Алексеевич (1708—8.XI.1739) — гоф-юнкер цесаревича Петра с 1725 г., испытал немилость Меншикова и зачислен поручиком в армейский полк, после падения Меншикова назначен обер-камергером, майором Преображенского полка, стал кавалером орденов Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного (11.II.1728 г.), в апреле 1730 г. обвенчался с графиней Натальей Борисовной Шереметевой, лишен орденов 14.IV.1730 г. и сослан в пензенское имение Никольское, затем в Березов. В 1738 г. переведен в Тобольск, потом в Шлиссельбург, колесован в Новгороде 8.XI.1739 года.
Характеристика, данная Лириа Алексею Григорьевичу и Ивану Алексеевичу Долгоруким, близка их характеристикам в «Дневнике» («Записки»... Ук. изд., с. 398, 400).
 29. Долгорукая Екатерина Алексеевна (1712—1745) — княжна, невеста Петра II, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (30.XI.1729 г.), в 1730 г. сослана в деревню, затем в Березов, в 1739 г. переведена в Томский Рождественский монастырь, освобождена и стала фрейлиной Елизаветы Петровны, была замужем за графом А. Я. Брюсом с 1745 года.
 30. Наталья Алексеевна (1714—22.X.1728) — великая княжна, сестра Петра II. Лириа почти повторяет здесь ее характеристику, данную в «Дневнике» («Записки»... Ук. изд., с. 397).
 31. Евдокия Федоровна Лопухина (1669—1731) — дочь Илариона-Федора Лопухина, первая жена Петра I, в 1698 г. пострижена в Суздальском Покровском монастыре под именем Елены, после 1718 г. переведена в Ладожско-Успенский монастырь, затем в Шлиссельбург, при Петре II — в Новодевичий монастырь.
 32. Глебов Степан Богданович — майор, казнен 16.III.1718 года.
 33. Ренне Карл-Эвальд (25.XII.1663—29.XII.1716), в русской службе находился с 1702 г., драгунский полковник с 1703 г., первый комендант С.-Петербурга в 1703 г., генерал-майор с 1704 г., генерал-поручик кавалерии с 1705 г. и полный генерал с 7.VII.1709 г., кавалер ордена Св. Андрея Первозванного (25.VII.1711 г.).
 34. Шереметев Борис Петрович (25.IV.1652—17.II.1719), боярин с 26.VI.1682 г., граф с 1706 г., генерал-фельдмаршал, кавалер Мальтийского ордена и ордена Св. Андрея Первозванного (30.XII.1701 г.).
 35. Екатерина от царя родила Петра (1704—ум. до 1707), Павла (1705—ум. до 1707), Екатерину (27.XII.1706—27.VII (или VI). 1708), Анну (27.I.1708—4.III.1728), Елизавету (8.XII.1709—25.XII.1761), Наталью (3.III.1713—1715), Маргариту (8.IX.1714—1715), Петра (28/29.X.1715—25.IV.1719), Павла (2.I.1717—8.I.1717), Наталью (19/20.VIII.1718—4.III.1725).
 36. Моисей Виллим Иванович (1688—16.XI.1724) — адъютант Петра I с 1711 г., камер-юнкер царицы Екатерины Алексеевны с 1716 г., камергер с 1724 г., в ноябре 1724 г. арестован и казнен по обвинению в казнокрадстве.
 37. Лириа достаточно точно цитирует письмо Петра I царевичу Алексею Петровичу от 11.X.1715 г.: «Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний testament тебе написать и еще мало пождать... Ежели ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мни себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устраску пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный» (УСТРЯЛОВ Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. VI. СПб. 1859, с. 348).
 38. Царевич Алексей Петрович писал отцу 31.X.1715 г.: «Понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна [...] того ради, наследия [...] Российского по вас [...] не претендую и впрямь претендовать не буду; в чем Бога свидетели полагаю на душу мою, и, ради истинного свидетельства, сие пишу своею рукою. Детей моих вручаю на волю вашу; себе же прошу до смерти пропитания» (там же, с. 348—349).
 39. В письме от 19.I.1716 г., которое Лириа здесь пересказывает, Петр упрекал царевича в том, что тот отдает на его волю то, что всегда и без того имеется у него как у царя, и ставит его перед выбором: «Или отмени свой нрав и нелицемерно будь наследником, или будь

- монах». Любопытна ошибка переводчика: призыв царя к царевичу не быть «ни рыбою, ни мясом» и принять, наконец, решение, был понят как нежелание царя, чтобы его сын жил «словно животное, думая только о питье и еде» (УСТРЯЛОВ Н. Г. Ук. соч., с. 349—350).
40. Царевич Алексей Петрович писал Петру 20.I.1716 г.: «Желаю монашеского чина и прошу о сем милостиваго позволения» (там же, с. 350).
 41. Петр I писал сыну 26.VIII.1716 г.: «И буде первое возьмешь, то более недели не мешкай, поезжай сюда, ибо еще можешь к действиям поспеть. Буде же другое возьмешь, то отпиши куды, и в которое время и день» (там же, с. 351).
 42. Карл VI Габсбург (I.X.1685—20.X.1740) — император Священной Римской империи (с 1711 г.).
 43. Толстой Петр Андреевич (1645—30.I.1729) — граф с 1722 г., в 1697—1699 гг. участник Заграничного путешествия царя, посол в Турции в 1702—1714 гг., затем участвует в Заграничном путешествии Петра 1716 г. и в поимке царевича Алексея, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного (февраль 1718 г.) и Св. Александра Невского (30.VIII.1725 г.), в 1727 г. сослан в Соловки.
 44. Румянцев Александр Иванович (I.I.1677—4.III.1745) — капитан гвардии, граф (15.VII.1744 г.), генерал-аншеф, сенатор, посланник в Константинополе, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного (30.XI.1741 г.) и Св. Александра Невского (6.I.1726 г., 28.VI.1735 г.).
 45. Авессалом — третий сын библейского царя Давида, восставший против отца и запятнавший себя кровосмесительством (2-я Книга Царств, XIV, XVI, XVIII). Сравнение Лириа многослойно: Давид, разгромивший войска Авессалома, приказал схватить его живым, но, когда тот погиб, оплакивал его гибель.
 46. Меншиков Александр Александрович (1714—27.XI.1764) — светлейший князь, в 13 лет пожалован обер-камергером, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского (25.V.1727 г.), Св. Екатерины (5.II.1727 г.) и прусского Черного Орла, лишен орденов и сослан после падения отца, впоследствии участвовал в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. и Семилетней войне, снова заслужил орден Св. Александра Невского (30.VIII.1757 г.), генерал-поручик с 1757 г. и генерал-аншеф с 1762 года.
 47. Меншикова Мария Александровна (26.XII.1711—1729) — светлейшая княгиня, невеста Петра II, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (29.VI.1727 г.), сослана в Раненбург, затем в Березов, по возвращении из Сибири пожалована фрейлиной и выдана замуж за Густава Бирона, брата временщика Анны Иоанновны.
 48. Салтыков Семен Андреевич (апрель 1672—1.X.1742) — граф с 28.I.1733 г., бригадир с 6.I.1719 г., член Военной коллегии с 12.XI.1719 г., генерал-майор с 28.XI.1722 г., кавалер ордена Св. Александра Невского (21.V.1725 г.), сенатор с 8.II.1726 г., генерал-лейтенант с 3.II.1727 г., 8 сентября 1727 г. был послан объявить Меншикову о его аресте, а 9.IX — о лишении его чинов и орденов. В 1730 г. Анна Иоанновна приказала гвардии повиноваться только ему. Генерал с 6.III.1730 г., кавалер ордена Св. Андрея Первозванного (30.III.1730 г.), генерал-адъютант с 24.XI.1730 года.
 49. Об анонимном письме Лириа сообщает в двух своих донесениях от 15 апреля 1728 г. (Письма о России в Испанию дука де-Лириа, бывшего первым испанским посланником при нашем дворе. Перевод с испанского священника К. Л. Кустодиева. В кн.: Осьмандцатый век. Кн. 2. М. 1869, с. 64, 67).
 50. Арсеньева Варвара Михайловна (ум. 1730), фрейлина, обер-гофмейстерина с 22.V.1727 г., кавалерственная дама ордена Святой Екатерины (29.VI.1727 г.), родная сестра жены временщика Дарьи Михайловны Меншиковой. Лириа ошибается, сообщая, что Варвара заточена в монастырь на границе с Персией: ее постригли в Александровский Успенский женский монастырь.
 51. Август II Сильный (12.V.1670—1.II.1733) — король Польши в 1697—1706 и 1709—1733 гг., курфюрст Саксонский под именем Фридриха-Августа I с 1694 г. по 1733 год.
 52. Станислав Лещинский (20.X.1677—23.II.1766) — польский король в 1704—1711 и 1733—1734 годах, окончательно изгнан из Речи Посполитой в ходе войны за польское наследство (1733—1735 гг.).